

ЧАСТЬ 1

ХОЧЕТСЯ ЛЮБВИ

БУДЬ ТУТ, БУДЬ РЯДОМ

Я иду по черной тропинке, перешагивая мощные корни дубов. Из турбазовской столовой доносится запах котлет и свежее испеченных булочек. Я ступаю неестественно медленно, как дрессированное животное. Сзади, с трудом переставляя негнущуюся ногу, ковыляет моя бабушка, главный бухгалтер Воронежского рыбзавода. Бывший главный. Это благодаря ей мы каждый год получаем путевку сюда, в маленький рай с огромными комарами, четырехразовым питанием и холодной речкой в пятнадцать минутах ходьбы.

— Вырубили бы давно к чертям собачьим! — бабушка зло тычет в корни палкой.

— Тогда деревья погибнут, — говорю я.

— Да и шут с ними! И так сырость — одно комарье. — Покраснев от напряжения, бабушка преодолевает очередной корень, своеобразно изогнутый, как щупальце осьминога.

Навстречу со стопкой чистого белья шагает мама. Веселая и легкая. Я с грустью думаю о том, что сейчас она заправит наши постели и уедет. А мы с бабушкой останемся.

В столовой аппетитная духота. Я быстро заканчиваю, ковырнув понемножку серую добротную котлету и салат. Бабушка ест жадно и подробно. Отдыхающие подобострастно здороваются с ней. Это в основном женщины, такие же низенькие и квадратные, как и бабушка, в босоножках на носок и в платьях с треугольным вырезом. По столам кочуют алюминиевые чайники с красной цифрой на боку. Из них в стаканы льется чай, крепкий и приторно сладкий. Наплевав на то, что у нее сахарный диабет, бабушка заканчивает ужин румяной булкой, обильно посыпанной сахаром.

Вся светская жизнь турбазы происходит вокруг столовой. Здесь есть площадка для игр, открытый кинотеатр и эстрада для танцев. Под навесом — шахматные доски на чугунных ногах, около досок толкутся мальчишки и сосредоточенно стоят с сигарками в зубах отдыхающие мужчины. Фигуры огромные и тяжелые, мальчишки услужливо перетаскивают их двумя руками. Каждый ход сопровождается ударом по металлу. Я подхожу ближе. Миттельшпиль. Моя любимая часть игры. Мужчина с глубокими морщинами ходит и ходит пешками, не замечая трехходовых выигрышных комбинаций. Я молчу. Я никого тут не знаю. Месяц назад я получила второй юношеский по шахматам. Наконец соперник морщинистого зевает ферзя и сдается.

— Кто следующий? — морщинистый удовлетворенно мнет окурочек и бросает в урну.

Мальчишки мнутя возле угла доски, у g8h8. Выпикивают вперед тощего рыжего. Он жметя и прячется за их спины.

— Давайте я.

Мальчишки смотрят на меня, выпучив глаза.

Мужчина усмехается:

— Как ходить, знаешь?

— Естественно.

— Расставляйте, пацаны, — ехидно подмигивает морщинистый шахматист мальчишкам.

Мне дали белые. Как слабаку. Я решила не выпендриваться. Королевский гамбит. Просто и элегантно. Мой соперник начал терять темп с четвертого хода. На седьмом я выиграла пешку. На тринадцатом — слона.

Приковыляла, утирая потное лицо, бабушка. Долго смотрела на стол, но ничего не поняла. Спросила у мальчишек:

— Кто выигрывает-то?

Те с недоверием ткнули пальцами в мою сторону.

Самодовольно улыбаясь, бабушка обратилась к мужчине:

— Петь, ты не смотри, что она пигаль такой. Не обыгралась. Это внучка моя. У нее разряд.

Это сообщение, видимо, сломило волю моего противника, и на двадцать втором ходу он сдался.

Вообще я обаятельная. Это я не сама себя хвалю. Это статистика. Мужскому полу однозначно нравлюсь. Както один мужик ошибся номером. Я дома одна была. Ему скучно, мне скучно. Поговорили немножко. И он стал каждый день звонить. Ну, я привирала кое-что, все равно ж никогда не увидимся. А он заявил, что влюбился, и начал предлагать встретиться. Пришлось признаться, что мне двенадцать лет и все такое. Он не поверил. Не может быть, говорит, у тебя такой голос... сексуальный. В общем, у меня сексуальный голос и второй разряд по шахматам. И в математике я шарю будь здоров. Учебник для седьмого класса дали — так я его за вечер весь прорешала.

Еще у меня длинные волосы и джинсы. Правда, не голубые, а темно-синие, но все равно. Это мне бабушка привезла, когда ездила к родственнице в Серпухов. Кро-

сы еще привезла. И майку махровую с широкими синими полосками. Я бы сожгла всю остальную детскую одежду и ходила только в этом. Бабушка ругается, что я порчу себе ноги в кроссовках, потому что на улице жара. Но после такой настоящей красоты просто нереально заставить себя ходить в детских босоножках фирмы «Прогресс» и ситцевом платье. Еще у меня голубые пластмассовые браслеты под цвет майки и пластмассовые розовые клипсы. Это мы с мамой купили в Прибалтике. Как будто ножницы вставлены в ухо. Все прямо офигевают и спрашивают: «Неужели вы так ухо прокололи?» А у меня даже дырок в ушах нет. Мама сказала: «Вот будет тебе восемнадцать лет — прокалывай что хочешь. Хоть жопу». И еще она сказала, что это сейчас немодно и только цыгане и всякая деревенщина прокалывают детям уши. Не знаю. Я очень завидую девочкам, у которых такие блестящие гвоздики в ушах. У нас в пионерлагере была Диана. Очень крутая. За ней все мальчишки бегали. У нее были гвоздики в ушах, а по вечерам она доставала пузырек с йодом и мазала шишки на больших пальцах. У нее, у ее мамы и у ее бабушки были огромные шишки на ногах. И она говорила, что их надо с детства мазать йодом, чтоб они не росли. Девочки, которые с ней дружили, тоже мазали ноги йодом. Я вспомнила, что у моей бабушки тоже есть эти шишки, но мазаться мне было неохота. Вообще, ту девочку звали Диана Иванова. Надо же так называть.

Я пробовала приклеивать к мочкам ушей блески, но они быстро отваливались.

Сергеа умный, но толстый. Макс шпингалет, меньше меня на голову. И переднего зуба нет. Остальные вообще мелочь пузатая. Лехе пятнадцать, он курит и все время улыбается, когда на меня смотрит. И в шахматы

он проигрывает с улыбкой, не дергается и не злится, как остальные. Он ничего.

Бабушка клянет погоду и удобства на улице. Точнее, что их нет в домике. По ночам она ставит у двери железное ведро.

Я боюсь этого звука. Струя, бьющая в стенку ведра. Мне почему-то очень стыдно. Я зажмуриваюсь и затыкаю уши. Оно течет, течет, течет бесконечно долго и никак не кончается.

В общественном туалете по утрам дырки обсыпаны белым и пахнет хлоркой и лесом. Сидишь на корточках, комар, невидимый в тумане, с нежным писком садится на задницу. Кто-то скрипит досками и устраивается в мужской половине, за деревянной перегородкой. Хочется настоящей любви. Ну а что? Ничего смешного.

Эти идиоты дразнят нас с Лешей женихом и невестой и все время ошиваются около моего домика. Вчера мои трусы упали с веревки, и эти придурки их подобрали. Трусы были совершенно детские, ярко-желтые, и, как специально, они порвались по шву прямо на этом самом месте. Желтых ниток не было, и я зашила их черными. Довольно неопрятно. Думала, еще раз надену и выкину. И вот эти идиоты сперли старые желтые трусы, зашитые черными нитками. Стыдоба. У меня есть другие, новые, с цветочками. Немецкие. Я их потом демонстративно вывесила на то же место. Чтоб эти кретины поняли, что у девочки, носящей такие шикарные трусы, не может быть ничего общего с теми, желтыми. Можно было бы сказать, что это бабушкины трусы, но вряд ли они поверят.

Придурки долго бегали вокруг домика и спрашивали, не теряла ли я чего-нибудь. Я только презрительно поводила бровью. Перед ужином я увидела желтые тру-

сы, они валялись под верандой. С королевской невозмутимостью я поддела их палочкой и выкинула в урну. У придурков был озадаченный вид.

Вечером шла с ужина. Трусы грустно лежали в урне. Мне стало их почему-то ужасно жалко, как будто я их предала.

Леша приглашает покататься на лодке. Бабушка сказала, что мы непременно перевернемся. Леша сказал, что он отлично плавает. Бабушка сказала, что эта пи-галица (то есть я) плавает как топор, что было правдой, но все равно свинство так говорить. Я сказала, что наде-ну на станции спасательный круг и буду сидеть в нем. Бабушка сказала, что разрешает только при условии, если она поплывет с нами. Я сказала, что тогда мы точно перевернемся. В итоге к бабушке пришла Лешина мама и все уладила.

После обеда мы поплыли на лодке. Я напялила самое красивое, что у меня есть: джинсы и кроссовки. Как специально, вжарило солнце. Мои ноги в демисезонных кроссовках стали совершенно мокрыми. Лешка был, как обычно, в клетчатой рубашке и стариковских просторных брюках. Он молча греб и щурился от солнца. Я ерзала на носу лодки. Мимо проплыло семейство с нашей турбазы. Леша помахал им рукой. Семейство ехидно заулыбалось. Я опустила руку в воду и, уцепившись за что-то склизкое, вытащила из воды лист вместе с длинным стеблем.

— Хочешь погрести? — спросил Лешка.

— Ага.

Мы поменялись местами, раскачивая лодку. Я села и стала шевелить веслами. Лодка ворочалась, как контуженая черепаха.

— Так, — сказал Лешка. — Меняемся назад.

— Нет, — сказала я капризно. — Научи меня.

На самом деле я отлично умею грести. Мы с родителями три года ходили на байдарках. Я даже знаю, что такое «табанить». Мне просто хотелось... ну, в общем и так понятно, что объяснять.

Он сел рядом, обхватил мои руки своими и сделал несколько гребков.

— А, — кивнула я. — Поняла.

И он сразу вернулся на корму. Я начала грести. Исторически быстро. Как будто с кем-то соревновалась. Ноги в кроссовках горели, под мышками вспотело.

Это была быстрая и неромантичная прогулка. Мы приплыли даже раньше, чем договаривались с бабушкой. Сдали лодку. Присели на скамейку на берегу.

Я посмотрела на свои ладони.

— Мозоль натерла.

Леха взял мою руку, оглядел по-хозяйски.

— Не страшно. Тут чуть-чуть.

Моя рука задержалась в его. В груди замерло.

— Видишь шрам? — Леша оттопырил большой палец.

— Вижу.

— Когда я родился, у меня был шестой палец.

— В смысле?

— Ну, такой типа палец еще. Только без костей. Как сосиска с ногтем. Его хирург — чик! — удалил и кожу зашил.

— А палец куда дели?

— Да никуда. Выкинули.

Я представила себе это все, и меня слегка затошнило. Леша улыбался и совал мне в лицо свой чертов палец. Он был редкостный болван.

— Пойду к бабушке, — сказала я.

За ужином бабушка выпрашивала, как мы поплавали.

— Нормально поплавали, — я распилила вилкой дымящуюся тефтелину.

— О чем говорили?

— О шестом пальце.

Бабушка удивилась:

— Это еще что такое?

— У Леши был шестой палец. Потом его отрезали.

И выкинули.

— Страсть какая, — сказала бабушка недоверчиво и обратилась к нашему соседу по столу, старичку в обвислом пиджаке: — Андрей Ефимович, вам не кажется, что кефир несвежий?

Андрей Ефимович, поднося стакан к губам и предвкушая, чмокнул пустым, беззубым ртом. Отпил.

— Что-то, Анна Михална, не пойму.

Отпил еще с явным удовольствием.

После дня, полного разочарований, наступила страшная ночь.

Кефир был несвежий. Я изо всех сил делала вид, что сплю, пока бабушка с охами вставала, кряхтела, пытается взгромоздиться на ведро. Потом раздались звуки, по сравнению с которыми обычное журчание казалось симфонией. Я забилась под одеяло в надежде, что зло пройдет стороной. Но это было невозможно. Я была бабушкиным единственным близким человеком в лесу.

Сдерживая тошноту, спотыкаясь о корни деревьев, я бежала с ведром, в котором лежали огромные трусы и пострадавшая штора, к крану с водой, а в небе польхали молнии и предгрозовой ветер срывал с деревьев листья.

Несмотря на раннее утро, было жарко. Как человек, которому после всего случившегося нечего терять, я надела ситцевое платье в мерзкий цветочек и сиреневые босоножки. Бабушка осталась довольна.

Издали я увидела мальчишек, которые толклись у шахматного стола. Лешка играл с кем-то из отдыхающих. Судя по напряженному силуэту, он проигрывал. Макс и Серега уставились на меня, явно не узнавая. Леша смотрел на шахматную доску. Уверенная, что выгляжу как урод-переросток из детского сада, я все-таки подошла к ним. Макс и Серега захихикали. Лешка уставился во все глаза.

— Чё, играете? — непринужденно спросила я.

— Ага.

Лешка сделал короткую рокировку и снова уставился на меня. Я показала ему язык и сделала гадкий реверанс.

— Тебе в платье очень красиво, — сказал Лешка. И по глазам было видно, что он не врал.

Бабушка, чувствуя себя неловко после той ночи, стала мягче и даже отпустила меня вечером на дискотеку. Одну!

Весь день я жила в предвкушении вечера и даже зевнула ладью во время послеобеденной шахматной партии, которая стала традицией. Пришлось согласиться на ничью.

И вот наступил вечер. Я в джинсах и полной амуниции из браслетов, розовых клипсов-ножниц, с огромной пластмассовой заколкой-крабом в волосах, бежала в сторону светящихся огоньков, откуда уже доносилась музыка. Бабушка осталась в домике.

Вначале играли какие-то быстрые песни, и все, включая меня, одинаково переминались с ноги на ногу. Мальчишки принарядились в новые майки с яркими рисунками. Леша сменил рубашку на унылую коричневую водолазку. Но все равно был самый симпатичный. Серега и Макс толклись в танце вокруг меня и отпускали идиотские шуточки. Типа что я индеец тумбо-юмбо и

прочее. Я не обращала на них внимания и все ждала, когда начнется медленный танец. И вот наконец, когда на улице стало темно, хоть глаз выколи, заиграл медляк. «Кавалеры приглашают дам», — объявил ведущий. Я как приличная дама отошла к стене. Эти придурки стали хихикать и толкать друг друга в бок. Но тут меня пригласил Лешка.

— Зимний сад, зимний сад, белым пламенем объят, ему теперь не до весны-ы-ы... — ныл из динамиков Глызин.

Лешка держал меня за талию, я еле дотягивалась до его шеи, и песня про зимний сад казалась мне самой прекрасной в мире. Танцевали всего три пары. Мы были как будто на театральной сцене. Из темных углов на нас смотрели завистливые глаза. Лешка прижал меня к себе, и я как-то машинально погладила его по спине. И тут раздался душераздирающий хохот. Я не обратила внимания, а хохот все усиливался. Казалось, человеку стало дурно.

Обернувшись, я увидела бабушку, которая сидела на скамейке, опираясь на клюку, а рядом с ней тетю Зою, нашу соседку по столику. Теть Зоя показывала на нас с Лешкой пальцем и истерично хохотала. Сконфуженная бабушка пыталась ее успокоить. Это был позор!

— Ба! Ты же сказала, что не придешь!

— Да я не собиралась, а потом смотрю, темень такая, а тебя все нет. А тут еще тетя Зоя зашла. Пошли, говорит, ходим на внучку твою поглядим. Ночь, а ты ее отпустила неизвестно куда.

Бабушка сидит, вытянув вдоль кровати негнущуюся ногу в перекрученном носке.

— А зачем она так смеялась? Она что — дура?

— Ей показалось очень смешным, что ты такая маленькая, а кавалер у тебя такой большой.